

**Павел
ЛАПТЕВ**

*г. Выкса,
Нижегородская область*

— Рояль... Откройте... Откройте крышку!

— Товарищ, вы меня слышите? — медсестра Маша трясла спинку кровати в ногах пациента, потом подошла к изголовью, наклонилась близко, так что белая шапочка слетела с волос и упала на лицо мужчины. — Товарищ, — погладила по голове, — как вы?

— Там рояль! — радостно, но с трудом произнес он.

Медсестра стала искать взглядом врача, крикнула:

— Зинаида Васильевна! Он открыл глаза! Он говорит!

— Потихе! — попросил её с соседней койки фронтовик Николай Петрович. — Что ты кричишь, дочка?! Тихий час ведь.

— Он очнулся! — радостно, но уже тише сказала Маша, надевая шапочку и приглаживая рыжую чёлку.

— Ну и хорошо, так и должно быть, — спокойно ответил Николай Петрович.

Пациенты завозились на своих местах, некоторые встали, пошли курить.

— Вы посмотрите за ним, Николай... — не могла сразу припомнить отчество Маша.

— Петрович, — подсказал тот.

— Да, Николай Петрович. Я сейчас врача приведу. Она на первом этаже, — попросила сестра.

— Вот так балясина-то, — пробурчал фронтовик, медленно встал и, опираясь на костыль, подошёл к соседу.

— Ну, здорово, как ты? — спросил он.

Маша побежала за врачом, а Николай Петрович присел на табуретку.

— Ты какой худой, кожа да кости, сынок, — сказал он. — А красавец, как из кино.

Пациент ещё плохо видел — он долго был без сознания.

— Рояль! — радовался он, показывая взглядом на стоящий недалеко от него накрытый зелёным чехлом инструмент. — Здесь есть рояль! Я думал уже не увижу его. А где я? — спросил он.

— В госпитале.

— Уже приехали? Так быстро? — удивился пациент.

— Быстро? — удивился Николай Петрович. — Ты вон сколько времени без сознания был-то.

Пациент потёр глаза.

— Я помню, в поезде ехал... На верхней полке лежал, — вспомнил он, говорил медленно и тихо, слова ему давались с трудом. — Больше ничего не помню... Из Ленинграда... Блокаду прорвали и нас вывезли... В Сибирь везли. Это Сибирь?

— Нет, — усмехнулся Николай Петрович. — Какая Сибирь! Горьковская область. Город Выкса.

Вернулась Маша вместе с врачом, женщина была в таком же, как у медсестры, белом халате и шапочке, только из-под неё виднелись седоватые волосы. Представилась:

— Здравствуйте, я Пичугина Зинаида Васильевна, ваш врач. Как вы себя чувствуете?

— Чувствую хорошо, — ответил пациент. — Только вижу неважно.

— Это пройдёт, — Зинаида Васильевна потрогала его лоб и спросила у Маши: — Где история?

— Вот она, на тумбочке, — показала Маша.

— Ленковский Феодосий Людвигович, — прочитала Зинаида Васильевна медленно. — Город Ленинград. Вы кем работали?

— Я музыкант, — ответил Ленковский.

— Понятно, — сказала врач. — Дистрофия, истощение. Туберкулёза, инфекций нет. Значит, питание и покой. Лёгкое питание не менее шести раз в сутки. Мясо обязательно. Вот так.

Феодосий попытался приподняться на локтях.

— Лежите, лежите, — доктор придержала его за плечи. — Маша, — обратилась к медсестре, — сладкий чай пока завари, — медсестра будто не услышала — залюбовалась молодым музыкантом, Зинаида Васильевна одёрнула: — Маша, слышишь? Иди!

Та как очнулась, кивнула и быстро ушла.

— Доктор, извините, а как я здесь оказался? — спросил Ленковский.

— С поезда. Вы не доехали бы до пункта эвакуации живым-здоровым. Вас на станции Навашино вынесли и привезли к нам в эвакогоспиталь номер пятьдесят восемь двадцать девять. Вот так. Теперь всё будет хорошо, — сказала Зинаида Васильевна, ободряюще улыбнулась и стала переходить от койки к койке, разговаривая с больными.

Зрение постепенно возвращалось к Ленковскому, он приподнялся на предплечье, начал рассматривать зал.

— Высокий потолок. Это ведь сцена! Мы на сцене? — обрадовался он.

— На сцене, как артисты, — согласился Николай Петрович. — Это Дворец культуры имени Лепсе.

— Кого?

— Яна Лепсе, — повторил Николай Петрович. — Был такой председатель ЦК профкома металлистов. Здесь же ведь в городе металлургический завод.

— Так это большой город? — удивился Феодосий.

— Выкса-то? Маленький. Лес кругом. Много леса.

Ленковского начало знобить, он мелко затрясся и лёг под одеяло с головой.

— Эх, балясина, — приподнявшись на костыли, Николай Петрович сходил к своей койке, взял выцветшее одеяло и накрыл им Ленковского.

— Ты радуйся, сынок, что живой. Смертей вон сколько повсюду, — сказал фронтовик.

— Смерть... — стучал зубами под одеялом Феодосий. — В Ленинграде она стала обыденным явлением... Знаете, голодный человек просто перестаёт интересоваться окружающим миром, ложится и засыпает навечно... А по улице идёшь — рядом прохожий падает и умирает, и никто к нему не подходит, он просто лежит и всё... Их много: здесь, там, везде на улицах... Ленинграда.

Николай Петрович тяжело вздохнул.

— Война, мать её... — сказал он.

— У меня жена так умерла, — поведал Ленковский. — И кот... тоже... умер.

— Да, да, согревайся, — не знал, что сказать Николай Петрович.

— А вы воевали? — спросил Ленковский.

— Я-то раненый, контуженый, с фронта сюда попал. Да здесь все тоже с ранениями, — пояснил Николай Петрович, протирая рукавом халата глаза. — В городе ещё три госпиталя.

— А я не воевал, — посетовал Феодосий.

— Кому воевать, кому музыку играть — у всех свои дела, — усмехнулся фронтовик.

Подошла Маша со стаканом чаю:

— Мёрзнете? Сейчас выпьете горячего и согреетесь.

Феодосий высунул дрожащую руку из-под одеяла, взял стакан в подстаканнике и сделал глоток.

— Там рояль... — прошептал он.

— Да, рояль, — согласилась Маша. — Это же дворец.

— Я пианист, — сказал Ленковский. — У меня в Ленинграде, где я жил в большой трёхкомнатной квартире, был белый рояль. Мне его подарили...

— Здорово! — улыбнулась медсестра.

— ...И я его поменял на буханку хлеба, — продолжил Феодосий. — На огромную вкусную буханку хлеба. Это самое последнее, что было в квартире, поменял. До конца держал.

— Вот так балясина! Рояль на буханку хлеба? — удивился Николай Петрович. — На вагон можно было...

— На одну буханку, — подтвердил Феодосий. — У спекулянтов был вагон таких, и они меняли ценные вещи для себя.

— Война... — вздохнул фронтовик.

— Голод, — сказал Ленковский. — Там всё ели, даже обои варили, потому что на клейстере они.

Он допил чай. Маша взяла у него стакан.

— Но город жил. Работал. И концерты были, — вспоминал Феодосий, поблагодарил: — Спасибо. Хороший чай, только не сладкий.

— Сладкий, — не согласилась медсестра. — Я два куса положила.

Ленковский попытался сесть на койке.

— Лежите, вам нельзя пока вставать, — забеспокоилась Маша.

— А мне халат положено? — спросил Ленковский, заметив, что его переодели в белую пижаму.

— Да. Сейчас принесу, — сказала медсестра и ушла.

Николай Петрович снова вытер рукавом заслезившиеся глаза.

— Я пойду покурю. Ты ведь не куришь? А тебе всё равно нельзя, наверно.

— Я не курю, — признался Ленковский.

— Интеллигент, — усмехнулся Николай Петрович.

— Да какой... — начал было Ленковский.

Но Николай Петрович не дослушал — махнул рукой и вышел.

Маша принесла синий халат. Ленковский с трудом сел на постели и скрестил руки на груди.

— Лучше, чем фрак, — вымученно улыбнулся Феодосий. — А бабочки нет?

— Бабочки? — удивилась Маша.

— Бабочки скоро прилетят. Весна ведь началась, — Феодосий нашёл силы пошутить.

Маша помогла ему надеть халат и села рядом на табурет.

— А сейчас ложитесь, — приказала она.

— Вас как зовут? — спросил Феодосий, глядя медсестре прямо в глаза, — та смутилась, отвела взгляд.

— Маша.

— Машенька, вы такая красивая, добрая, — рассматривал Феодосий её чёлку из-под шапочки. — Маша, сядьте, отдохните.

— Работа, какой отдых, — сказала медсестра. — Вот война закончится, тогда и отдохнём. Вы — в Ленинграде, мы — здесь.

Ленковский помотал головой:

— Вряд ли теперь в Ленинграде.

Он опустил ноги на пол, тяжело встал и медленно, держась за спинки кроватей, пошёл к роялю.

— Куда вы? — заволновалась сестра.

Феодосий нашёл силы подойти к роялю, снять чехол с крышки клавиатуры. Открылась чёрная полированная поверхность с надписью золотыми буквами «Красный Октябрь. Ленинград». Ленковский поднял крышку.

— Вот о чём я мечтал, — сказал он, легонько трогая клавиши. — Вот что снилось мне. Не еда! Рояль!

Ленковский стоя начал играть. Соната Бетховена дрожащими руками... Несколько тактов. Потом остановился, огляделся по сторо-

нам — соседи слушали. Они увидели в глазах музыканта слёзы.

— Это последнее, что я играл в Ленинграде, — признался Феодосий.

— Сыграй ещё, сынок, — попросил вернувшийся Николай Петрович.

— Сыграй! Сыграй! — просили со всех сторон.

Кто-то к роялю поставил табурет. Ленковский поклонился, как мог в нынешнем состоянии, и сел. Зал затих. Феодосий засучил рукава, размял пальцы, повернулся к слушателям и объявил:

— Людвиг ван Бетховен. Он не немец, австриец.

— Хотя и немец, — сказал Николай Петрович. — Не все ж они фашисты.

— Ну да, — улыбнулся Феодосий. — Он жил в девятнадцатом, даже в восемнадцатом веке. Соната номер двадцать три. Аппассионата. Героическая, — и заиграл. Неуверенно, немного ошибаясь, минуты три.

Потом остановился.

— Извините, слабость, — сказал он, сидя поклонился.

Раздались аплодисменты. Ленковский вернулся к своей койке и сел.

— Феодосий Людвигович, ведь вам рано так напрягаться, — сказала Маша и, смущаясь, спросила: — А вы меня научите так играть?

Ленковский кивнул и тут же поморщился от боли:

— Шея болит.

К ногам Феодосия прильнула кошка и потёрлась боком, пошла дальше.

— У меня в Ленинграде был кот, серый, как этот. Только нечем было его кормить, — откровенничал он.

— Это кошка, — сказала Маша.

— В Ленинграде не осталось кошек. Умерли они или... Или съели их.

Он поднялся и сделал несколько шагов вслед за кошкой, приговаривая:

— Кис-кис!

— Товарищ Ленковский! — крикнула вслед медсестра, нахмутив брови. — Лягте, пожалуйста!

Ленковский ничего не ответил, он вышел за

кошкой в коридор, потом — на балкон. От искрящегося снега под мартовским солнцем он зажмурил глаза. Опёрся на толстые перила, куда запрыгнула кошка. Феодосий прижал её к груди и стал гладить. На балкон вышла и врач Пичугина.

— Феодосий Людвигович, не рано начали бегать? — спросила она сердито. — Идите ложитесь.

— Тепло сегодня, хорошо, — ответил ей Ленковский. — И тихо. Вы знаете, а он вернулся.

— Кто вернулся? — не поняла Зинаида Васильевна.

— Рояль, — ответил Ленковский.

— Рояль вернулся? — не поняла врач.

— Рояль. Только цвет изменил. Был белый, стал чёрный. Наверно, война так на него подействовала, что он почернел, — сказал Феодосий и тихо засмеялся. И заплакал. Плакал и смеялся одновременно.

— Вернулся, — Зинаида Васильевна улыбнулась. — А мы думали его на дрова распилить. Да не успели. Вот так, — хитро посмотрела на пациента. — А он вас ждал. И дождался.

— Дождался, — согласился Ленковский, потом прокашлялся и спросил: — А если здесь лес кругом... Зачем же рояль на дрова пилить?

— Пойдёмте отсюда. Холодно, — произнесла врач уже серьёзно. — Ещё пневмонии не хватало.

Они зашли внутрь. Феодосий отпустил животное на пол.

— Я думаю, здесь, в Выксе, останусь, если буду жить, — сказал он, откашлявшись. — Видимо, так судьба распорядилась.

— Судьба... — задумалась Зинаида Васильевна. — Может, судьба, может, кто-то ещё...

— Буду учить детей играть на фортепиано, — рассуждал Ленковский, сложив руки на груди. — Маша вот тоже хочет научиться. Кружок можно организовать музыкальный. Правда ведь?

— Правда, — Зинаида Васильевна погладила Феодосия по плечу. — Если люди хотят учиться музыке, значит, жизнь продолжается. Значит, будем жить. Вот так.

Камень

рассказ

— Кто разложил на подоконнике портянки, а? Тут что, баня вам или солдатская столовая? — кивнул усатый капитан на сохнувшее на подоконнике бельё.

Солдаты из автороты в бывшем храме Иоанна Предтечи, превращённом в столовую, кто с ложкой овсянки в руках, кто с набитым кашей ртом, дружно рассмеялись на эти слова.

— Да чистые они, ужотко постирал! — весело отозвался молодой солдатик.

— Чистые не чистые, а в столовой нечего бельё раскладывать! Ну-ка убрать! — грозно приказал капитан.

Солдатик, давясь, торопливо дожевал кашу, встал из-за стола и убрал с подоконника портянки — рассовал их по карманам штанов.

— Ох, если бы столовая, если бы баня... — мечтал старый солдат Тимофеич.

— Как? — не понял капитан.

— А всё в этой жизни, товарищ капитан, временно. Вот война была, да два года уж нет. Да и здесь столовая временно, — ответил Тимофеич и добавил: — Всё вернётся на круги своя.

Капитан покашлял в кулак, разгладил усы, оглядел фрески на стенах.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он. — Что вернётся?

Тимофеич ничего не ответил и продолжил есть кашу.

Снова начали подниматься эхом под купол стук алюминиевых ложек, кружек, чавканье.

Капитан повернулся было уйти, но потом вспомнил:

— С вашими портянками временными за был, зачем и пришёл! — нахмурился. — Вот вы едите здесь и не знаете ничего, — обратился ко всем загадочно.

Наступила тишина.

— Да вы ешьте, ешьте, — немного смутился капитан. — Я с одним делом пришёл. А дело-то в том, что под вами... — показал пальцем вниз.

— Ад? — тут же нашёлся молоденький солдатик.

Капитан опять насупился, пригладил усы и сказал:

— Ад-то ежели и есть, то ниже находится, а между ним и вами — склеп!

— Склеп, склеп, — зашушукались бойцы.

— Это мне дед тутошний из домов местных рассказал, — сказал капитан. — Что бывших господ Баташовых хоронили здесь, под церковью.

Зашумели бойцы, обсуждать стали меж собой. А кто-то громко выкрикнул:

— То-то я видел, как ребяташки черепом футбол гоняли!

И снова тишина воцарилась в храме.

— Эх, вот не знали, и спокойней было бы... — жевал кашу Тимофеич. — А таперича и думай тут про ентот клеп.

Капитан сильно закашлялся.

— Не знали — это ничего не значит, — еле говорил он. И, уже отдышавшись, тихим голосом, словно боясь, что его услышат за стенами, а может, и под полом, сказал: — В общем, надо нам куда-то припасы складывать, картошку, моркошку. А там — я заглянул — как раз подходящее место. Так что пока не приказываю, а спрашиваю: кто полезет склеп очищать? Каждому по сто пятьдесят и день отдыха.

— Ужо пузо набили! — кто-то отозвался.

— Ничего, сто пятьдесят не пуд, — ответил капитан.

— Чего по сто пятьдесят-то, по стакану уж! — крикнули.

— Я что, винзавод, что ли? Литровину первача ставлю — сами разберётесь. Ну, кто смелый?

— Я! — выпалил молодой солдат.

— Я! Я! — еще несколько голосов.

— И я полезу, — спохватился кто-то.

— Надо сейчас, пока не доели, — намекнули на выпивку.

— На сиденье в грузовике возьмите, — радостно сказал капитан, — как позавтракаете, я жду всех на воле.

Капитан ушёл, молодой солдатик убежал к машине, а бойцы, стараясь не греметь посудой, доедали свой завтрак. Молчали, как будто прислушиваясь к тому, что в подполе творится. Но постепенно звон ложек, стук об пол кривых лавочных ножек и разговоры стали громче.

— Я вот как думаю-сь, — громко сказал Тимофеич, — что у товарищца капитана есть другая причина вытащить этих баринов...

— Какая? — спросил прибежавший и уже разливающий первач в кружки тот молодой парень.

Пожилой солдат помолчал немного, настраивая внимание бойцов, и ещё громче сказал:

— Брильянты!

— Бриллианты... бриллианты, — заговорили за всеми столами.

— Вот так, — сказал Тимофеич, заедая хлебом последнюю ложку каши. — В один час погибнет всё богатство земное.

Перестала позвякивать посуда, солдатики притихли — ловили каждое слово старика. Но он только невозмутимо отёр хлебной коркой миску и отправил её в рот.

— Чего? — вдруг спросил молодой солдат за всех.

— А? — будто очнулся Тимофеич. — А! — как вспомнил. — Я говорю, придёт время, когда един Ангел возьмёт камень, подобный большому жернову, и повергнет в море, — Тимофеич откинул ложку. — Вот так же будет повержен великий град Вавилон. Вот. Со всем его золотом, жемчугом и драгоценными камнями...

Вскоре подошли к правой стене храма грузовик и несколько солдат вошли в склеп. Из школы, что была по соседству, на перемену выбежала дюжина ребят — заметили копошения возле храма.

— Шкелет оттуда вылезет? — боязливо спросила второклассница Римма.

— Ага, вылезет и съест тебя! — отвечали ей старшие.

А Вовка-дурак, как услышал о скелете, начал его изображать: под звонкий хохот поднял руки вверх, зарычал, заходил по кругу.

Из подвальной утробы доносились стуки кувалды по кладке, потом они стихли, и из склепа солдаты вынесли хорошо сохранив-

шийся гроб, обитый золотистой парчой с чёрным матерчатым восьмиконечным крестом на крышке. Ношу поставили на траву, осмотрели, где гвозди вбиты. С крышкой справились быстро, открыли гроб. Сдёрнули пожелтевшую простыню — увидели обтянутого ссохшейся тёмной кожей покойника с длинными белыми волосами. Костюм и туфли на нём выглядели как новые.

Пахнуло чем-то таким, как в погребке, где картошка хранится. Ребята отпрянули, но не разбежались. А тому молоденькому солдатику и вид покойника, и запах напомнили о тленности старого ненавистного мира — в нём смешалось всё: и помещики из учебников истории, и мировая буржуазия, и фашизм, который победили недавно. А ещё светлой надеждой замаячила в голове паренька мысль о скором прекрасном будущем, которое непременно будет пахнуть духами «Красная Москва». «Уж там-то, в коммунизме, — помечтал он мимолётом, — учёные создадут напиток бессмертия. Не будет смертей, все будут молоды и красивы. А не такие уродливые покойники, каких производил тот прогнивший барский мир». И он, здоровый юный боец, представлял, как всегда в этом мире будет таким молодым и красивым, и все девки в его деревне тоже. И в эту коммунистическую вечность он будет ходить с ними в пахнущую берёзовыми вениками и хвойным мылом баню. А потом они, пьяные и весёлые, будут у плетня возле его дома петь песни под гармошку. И это будет всегда, вечно. Не будет болезней, старости и смерти, только раздольная жизнь под красными знамёнами с портретами Ленина и Сталина...

Капитан подошёл ближе, безгласно полазил руками в гробу, зачем-то пощупал покойника, нашёл в кармане пиджака какую-то штукосину, мельком оглядел и, недовольно что-то бурча под нос, положил её в голенище своего сапога. Потом отошёл от гроба и скомандовал солдатам:

— Взяли, понесли!

Четверо солдат легко, но бережно — как бы не развалился! — подняли гроб и направились к грузовику.

Тут Вовка-дурак подобрал с земли камень и метнул его в гроб. Промазал.

Кое-кто из ребят подхватил затею, а потом уже камни один за другим полетели в покойника: кто попадал в гроб, кто — в ругающихся солдат. Только маленькая Римка не успела, пока копалась в земле, ища поблизости маленький, под детскую ладошку, камень. Вот, кажется, нашла, но опять не то — сухой ком навоза. Бросила всё же вслед покойнику и тут же руку о платье отёрла. Потом сообразила — отбежала к обочине, подхватила в подол несколько камней и вернулась к ребятам. Выгрузила к ногам, а один кругляш обхватила ладошками. Замахнулась было, хотела со всей силы запустить, но кто-то сзади придержал её за руки. Девочка обернулась.

— Камень преткновенения и камень соблазна, — улыбаясь, сказал Тимофеич. — Давай-ка выбросим, — и откинул подальше.

Римма от обиды зарыдала.

— Чего его жалеть-то, скелета! — крикнул Вовка-дурак. — Не плакай уж, Римм, — и, зло глядя на Тимофеича, морща маленькое обтянутое кожей личико, погладил девочку по голове. Потом поднял один из её камней и метнул в гроб, который уже погрузили на полупорку.

— Детки, ну-ка быстро на урок! — запыхавшаяся пожилая учительница появилась на школьном крыльце. — Бегом в школу!

Ребягня не торопилась.

— Что ж вы делаете-ка, нехристи! — заголова женщина до ли на детей, то ли на взрослых. — Креста на вас нет, ужо проклятие кликаете на себя. Шутки шутите? — то грозила пальцем, то почему-то, к удивлению всех, крестилась. — С этим не шутят! Мало того что церкви позакрывали, да ещё кощунствуют. Но камень, который отвергли, делается главою угла, — и начала ворчать что-то невпопад про загробный мир, про ад и чертей, про Бога и православную церковь.

— Хватит, тётка, орать на ветеранов Отечественной войны! — рявкнул на неё капитан. — Чему детей учишь!

Учительница как опомнилась, взяла двоих мальчишек за руки и насильно повела к школе.

— А мы тоже такие будем? — спросила у неё Римма, когда они уже поднимались по ступенькам.

— Нет, мы... вы такие не будете, — ответила женщина.

— Это только буржуи такие бывают страшные, потому что рабочий класс угнетали, — сама утвердила Римка. — А какие мы будем, когда умрём? — спросила она.

Учительница ничего не ответила.

— Красивше, конечно, — сообразила девочка. — Но всё равно нас закопают, и никто красоту нашу не увидит.

— Не красивше, а красивее, — поправила учительница и прикрикнула: — Отстань, Римм! Все умрут, никто не останется на земле. А потом, потом, — замаялась она, — все воскреснут, кто — для вечной жизни, а кто в погибель, — почему-то не по-учительски шёпотом сказала.

Грузовик завёлся, и капитан, наскоро докурив папиросу, сел в кабину. Полупорка поехала. Капитан достал из голенища медальон, открыл, и его взору на одной половинке предстал миниатюрный портрет молодой красивой женщины с зачёсанными назад волосами. На другой была золотая гравировка: «Деду И. Баташову оть внучки Дарии».

Капитан что-то зло пробурчал, высунул в окно кабины руку с медальоном и выкинул его в пруд.

— Серебро не золото, — пояснил шофёру. — Чёрт, а! Не густо! Ну что за люди были, золотишка в гроб не положили, а ещё эксплуататоры. Сколько времени потерял на этого покойника, лучше бы к зазнобе сходил.

— Куда? — невозмутимо спросил солдат за рулём.

— А? — не понял сначала капитан. — На закрытое кладбище, рядом с тринадцатым детским садом, то есть с бывшей малой церковью, то есть... в общем, ты понял, — сказал он шофёру. — Закопаем там втихую барина. А после за картошкой поедем. Начнём на эту зиму, на вечную русскую зиму запасы делать.

Бабочки

рассказ

Весной в один провинциальный город приехала выставка. Хотя и называлась она «Выставка бабочек», но там были представлены не только они. Первоклассница Раиса не смогла уговорить родителей сходить туда, несмотря на слёзы и писк, подключённые к убеждению. Маме, как всегда, некогда — надо стирать бельё и готовить обед, а у папы — футбол или хоккей, или новости на РБК о котировках фьючерсов.

— Котировка — это ровка кота? — спросила успокоившаяся девочка, когда мама дала ей сто двадцать рублей на билет, мол, сходи одна, благо идти вон сто метров.

Отец поморщился, почесал затылок и сказал глупость:

— Наш мир, дочка, держится на трёх китах. Доллар, евро и...

— Юань! — перебила мама.

— Рубль! — нашлась Раиса.

Отец снова поморщился, почесал теперь уже залезшего к нему на колени кота и ничего не ответил, уставившись в телевизор.

Так девочка пошла на выставку одна. Большая часть этого энтомологического шоу состояла из мёртвых членистоногих: многочисленных пауков, жуков, цикад и стрекоз в рамках. А также огромных бабочек. За свою небольшую жизнь Раиса видела этих созданий немало: часто гостила у бабушки в деревне. Но там насекомые были маленькие. А здесь такие монстры! Раиса ходила вдоль рядов с рамками, всматривалась в каждый экземпляр, читала непонятные названия.

В конце зала стоял шатёр из белой ткани. Раиса зашла туда. И ей открылся рукотворный рай. Разноцветные огни, нежная музыка и — бабочки! Они порхали, сидели на стены и потолок, взлетали снова.

— Вау! — восхитилась Раиса.

— Нравится? — спросила сидевшая на стуле женщина с накинутой на плечи шалью.

Раиса кивнула.

— Здесь особый микроклимат, поддерживается нужная температура и влажность, как в тропиках. Только днём, — посоветовала женщина, — по-

тому что ночью электричество отключают, и обогреватели с увлажнителями тоже. Утром приходишь, а здесь холодина!

— А сколько они живут, эти бабочки? — поинтересовалась Раиса.

— В природе несколько дней, а здесь только один, — грустно ответила женщина. — Здесь только день, — повторила она.

— День?! — удивилась девочка. — Ничего себе! Такие красивые — и всего день.

— Но за день они успевают прожить жизнь человеческую. Растут, в школу ходят, женятся и детей заводят. Откладывают маленькие яички, из которых появляются куколки. Вон они, — пояснила женщина, показывая на тряпичный стенд, где находилось много куколок.

— Как несправедливо, всего день, — печально заметила Раиса, рассматривая куколок. — Детский сад у них тут.

— Роддом скорее, — уточнила женщина.

Бабочки летали под тряпичным куполом, сидели на потолок. И вот одна чёрная, самая красивая и большая, села Раисе на плечо. Села и сложила крылья. Раиса медленно, чтобы не спугнуть, повернула голову, и ей показалось, что бабочка плачет: будто слезинки появились из глаз насекомого.

— Не плачь, — прошептала Раиса.

Бабочка на эти слова расправила крылья и улетела.

— Она заплакала из-за того, что так мало живёт, — сказала Раиса женщине. И предложила: — А я бы ночью здесь дежурила и свет им включала, чтобы они дольше прожили.

Женщина улыбнулась, покачав головой:

— Раз так есть, значит, так нужно...

На следующий день в школьной столовой обедать Раиса не стала. На сэкономленные деньги снова купила билет на выставку.

Девочка искала чёрную бабочку, но не находила.

— Её не стало, — сказала вчерашняя женщина с шалью и улыбнулась. — Но у неё остались детки. Вон, посмотри, одна бабочка как раз сейчас пока-

зывается из куколки. Так происходит метаморфоз: бабочка откладывает яйца, из них появляются гусеницы, потом куколка и наконец красавица бабочка. А ты в каком классе учишься?

— В первом, — ответила девочка.

Женщина вздохнула и стала говорить о непонятном:

— На самом деле, когда будешь в старших классах, вам расскажут об эволюции, естественном отборе и случайных мутациях. О развитии животного мира от простейших видов к сложным и о конечном итоге этой цепочки — появлении из обезьяны венца природы, человека.

— Из обезьяны? — удивилась девочка.

— И дарвинисты, кто всё это придумал, не могут объяснить, как этот отбор станет возможен, если в каком-то звене цикла произойдёт сбой, бабочки погибнут и не смогут произвести потомство, — продолжила женщина о своём. — Личинки даже живут под водой! Личинки мухи-подёнки — три года, а цикады — семнадцать лет! А когда вылетают, за один день женятся и умирают. А муравьи? У них сложные социальные отношения. Какая эволюция может создать это?

Раиса ничего не поняла, только пожалала плечами.

— План, — попытожила женщина свою лекцию. — Только чёткий план создания животного мира способен всё объяснить. Все животные, в том числе и бабочки, были созданы за один день, в пятый день...

Внезапно погас свет, и все посетители вышли в полутьме из шатра.

— Что ж, случаются и аварии, — сказала женщина у выхода. — Завтра мы уезжаем. Но у вас всех впереди целая жизнь, чтобы изучать насекомых, восхищаться окружающим миром и любить его.

Вечером Раиса думала о словах женщины с выставки. Почему это человек — венец природы, если он не может летать, как бабочка?

Раиса смотрела на сидевшего перед телевизором отца, забавляясь, мысленно сравнивала его с обезьяной.

А когда легла спать, думала о том, что хорошо было бы, если б человек произошёл не от обезьяны, а от бабочки. Она представляла себя с крыльями, как в диснеевском мультике про фею.

— А может, я когда-нибудь превращусь в бабочку и буду летать, — прошептала Раиса и заснула.

И приснилось ей, что она и другие ученики — бабочки, порхающие по классу. Ученики вылуплялись из куколок, расправляли крылья и взлетали. А учительница была чёрным пауком, сидевшим за столом. Она грозным голосом призывала учеников к себе, чтобы те сдавали ей деньги на обеды. Но никто к ней не подлетал. И вот в одно мгновение распахнулось окно, и Раиса вместе с другими бабочками выпорхнула в него и улетела в тёплую разноцветную весну.

□

Павел Николаевич ЛАПТЕВ

родился в городе Выкса в 1971 году.

Пишет стихи, прозу.

Публиковался в журналах «Юность», «Сибирские огни» и др.

Участник Третьего форума молодых писателей России (Липки),

форума и творческого семинара

писателей и поэтов Поволжья (Арзамас).

Автор книг «Повести и рассказы», «Краски».

Член Союза писателей России.

В журнале «Север» публикуется впервые.

